Судьбы, опалённые войной

Издание для слабовидящих

Муниципальное учреждение торопецкого района
«Торопецкая центральная библиотека»

Судьбы, опалённые войной

Народная летопись

Издание для слабовидящих

Торопец
2019

Тараканов Николай Александрович

Война застала меня дома, в Ярославской области, Даниловском районе. Кончил 10 классов, был призван в армию и направлен в Новоград-Волынское пехотное училище, которое было в Ярославской области. В училище отучился до июня 1942 года и был отправлен на Калининский фронт и попал подо Ржев. Меня взяли в 379-ю стрелковую дивизию 55-й стрелковый полк 30-й Армии. Стал помощником начальника штаба полка по оперативной работе (ПНШ-1).

2 июня мы перешли в наступление. Как сейчас помню, пришёл на передовую, немцы в это время открыли огонь. А потом мы пошли в наступление, прорвали оборону противника. Бои были тяжёлые. И вот за 7 дней из 750 человек в батальоне осталось только 35 бойцов -кто был убит, кто ранен.

1 августа 1942 года в бою подо Ржевом меня ранило. Немцы наступали, а мы в воронках находились, отстреливались, не давали немцам продвигаться. В это время в стороне взорвался снаряд, осколком семь на три мне пробило ногу. Был я направлен в госпиталь. Помню, когда меня тащили раненого, и начальник штаба меня встретил. Госпиталь был недалеко возле Ржева. Находился я там 2 месяца и опять отправился на фронт, но в другую часть. Помощником начальника штаба полка меня не взяли, (был я в звании лейтенанта), а взяли меня командиром стрелковой роты. Вот я стал командовать ротой. И в 43-м году, в январе месяце под Старой Руссой был я снова ранен в правую ногу. Так случилось, что мой сосед, командир стрелковой роты был ранен, и к нему побежал. А немцы открыли страшный огонь. Такая воронка там была, а он лежал у воронки и стонал. Чтобы его спасти, я бросился в воронку, а ноги у меня остались на краю.

И тут как раз пуля пробила мне ногу. И был обратно я отправлен в тыл, в госпиталь в Калининской области, ближе к Ярославлю. И здесь я 2 месяца отлежал и обратно на фронт. После госпиталя попал опять в свою 379-ю дивизию, и меня поставили командиром стрелкового батальона.

И месяца через полтора-два меня пригласили и отправили на переподготовку комсостава под Вышний Волочёк. Вот там я 6 месяцев учился, а потом опять воевать. И дошли мы до Латвии, а там я был тяжело ранен при форсировании реки Айвиексте. Мы сидели в воронках, ждали приказ о начале операции, я приподнял голову и был ранен осколком, прямо в правый висок. Я без сознания упал. Очнулся, когда почувствовал боль в спине, смотрю, Васька-ординарец тащит меня на палатке. А кровь с виска так и течёт по щеке. Я у него спрашиваю, что со мной, а он в ответ только: «Товарищ капитан, товарищ капитан, не надо говорить, ничего не говорите. Ну, меня быстро на самолёт, и в Резекне. Там сделали операцию, рану стянули и на поезде отправили в Торопец, в госпиталь. Госпиталь был там, где раньше старый Дом культуры находился. Там я и лежал. Начальник госпиталя, полковник, очень приятный такой человек, предупреждал меня: «Не смей никого просить, чтобы тебе сделали операцию». Осколок, говорит, в сотой доле миллиметра от мозговой оболочки, и если чуть тронут она лопнет, и тогда либо смерть тебе, либо дураком будешь. А потом, правда, другие врачи это поняли, и осколок у меня до сих пор не вынут. Он меня предупреждал, что обрастёт мясом осколок, и ничего страшного не будет. Только одно, говорил, если доживёшь до старости, а вот оно так и есть, будут сильные головные боли.

Вот здесь, в Торопце, я лежал в госпитале, когда стало намного легче, перевели в Цветки, в деревню Дергино, там раньше был госпиталь. Сейчас в этом здании находится Дом-интернат. Там я познакомился с девушкой Таней. Она только что приехала из Свердловской области, где была в ФЗО, работала на заводе.

Когда лечение моё подходило к концу, за мной приехал ординарец, и поехал я обратно в свою часть. После Латвии была Польша: взяли Варшаву, Сандомир, и в Катовице. В Катовице нашей дивизии дали несколько дней отдыха. Этот польский город очень красивый. В одном из домов мы расположились, и вот в то время, когда мы обедали, из дома напротив по нам открыли огонь из автоматов и пулемётов, стреляли по окнам. И я своему ординарцу Ваське предложил сходить посмотреть, кто же по нам это стрелял? Поднялись на второй этаж, (внизу был ресторан), окна все выбиты, свет горит. Мы в коридоре видим две двери: направо и налево. Зашли в ту, что налево. Там сидит поляк, а на столе много пустых бутылок. Я спрашиваю, кто, мол, это пил? Он мне отвечает, что это «дойчен солдатен».

Спросил, где немцы, он показывает на дверь в соседнюю комнату. Я её потихоньку открываю, а там семь человек немцев, сидят за столом и все спят.

Думаю: «Что делать?» В такие мгновения всё решают моменты. Выйти в коридор, но они могут выскочить во вторую дверь и нас пристрелить. Даю команду Васе, он их обходит сзади, держит под дулом автомата. А напротив меня немецкий обер-лейтенант в полушубке нашем офицерском. Я хлопаю его по плечу, говорю «ауфштейн», встать значит, и направляю на него пистолет, а он хватает меня за глотку, и я ударился о косяк. В упор пару раз я в него выстрелил, и

скомандовал Васе, чтоб стрелял. Вася две очереди дал, но двое немцев бросились бежать, выскочили в коридор. Васька за ними, дал очередь: одного убил, а другой убежал наверх. Мы с ним вышли на улицу и решили не уходить, подождать пока выскочит немец. Стали за дверь, минут через 5-7 слышим шаги, выскочил он и бежать. Я за ним. Стреляю и всё мимо, он петляет и никак мне по нему не попасть. Тогда Васька выскочил вперёд меня, встал на колено, и убил немца. Почему-то этот случай мне сильно запомнился.

Дальше пошли мы на Германию. К Берлину подошли, но нас свернули влево. А тогда американцы форсировали Эльбу и взяли Дрезден. И нам приказали идти на Дрезден. Когда мы подошли к городу, американцы отошли к Эльбе, мы город взяли и здесь остановились. И дальше нам поступил приказ отправиться в Чехословакию. Остановились примерно в 10 километрах от Праги. Но немцы уже не очень хотели воевать. Как только мы сильный огонь откроем, так они сдавались: оружие бросают и сдаются. Из-под Праги мы отправились в Судеты. Это горы большие, Судеты. Ну, а там немцы нам не сдавались. Они прорвались и сдались американцам. Это было уже 16 мая 1945 года. А война окончилась 9 мая. Так что почти 8 дней мы воевали уже после войны.

После Судет меня направили в военное училище контрразведки в город Москву.

Однажды, когда мы с фронтовым другом обедали, к нам подсел полковник, стал спрашивать всё про нас. И я у него спросил, на кого нас будут готовить в училище. И он сказал, что учиться мы будем 3 года, но в России потом работать не будем, только за границей, в контрразведке. Нам это так не понравилось, ни мне, ни Мишке. Стали советоваться: ну отправят в Англию, в Америку, куда ещё пошлют? Бог его знает! Что же это

за жизнь, надо уходить. И мы подали заявление, у меня комиссия медицинская определила тяжёлое ранение в голову и меня отпустили и отправили обратно в Германию. Потом служил на севере: в Кеми, Кандалакше. Войну прошёл в звании капитана, а уже после войны получил звания майора, подполковника и полковника.

В 1947 году демобилизовался. Приехал в Торопец, женился на девушке Тане, с которой познакомился, когда лежал в госпитале. Переехали жить в Резекне, этот город мне понравился ещё в годы войны. Там родилась дочь Надя. Потом вернулись в Торопец, в Цветки, уже насовсем. Работал в совхозе, был директором заготконторы, Дома-интерната, работал на ремзаводе, оттуда и ушёл на пенсию.

Орден боевого Красного Знамени получил за успешно проведённую операцию по прорыву немецкой обороны на территории Латвии летом 1944 года. Ещё награждён орденами Великой Отечественной войны и медалями.
Война вспоминалась часто, затем стал уже отходить от этого. Самыми моими лучшими друзьями были боевые товарищи. Тёплые дружеские отношения были с командующим фронтом И.С. Коневым.

Прокофьев Василий Васильевич

22 июня, в воскресенье, мы, работники машинно-тракторных мастерских были на маёвке. Немного не хватило провизии, посланный за нею в Торопец наш товарищ вернувшись, объявил, что началась война. На второй день как началась война, нас, всех работников собрали, и в мастерских сделали приёмный мобилизационный пункт: мы машины ремонтировали. Две недели так было. И вот, 3 июля 1941 года нас отправили на оборонительные работы. Мы рыли окопы,

строили доты и другие военные сооружения. Потом я заболел брюшным тифом и лежал в городе Ростове Ярославской области в госпитале. Потом в составе строительного отряда был переброшен под Москву строить железную дорогу на Каширу. Там немного мы поработали и в апреле 1942 года меня призвали в армию. Из города Лопасни, сейчас это Серпухов, меня отправили в Подольск, где в это время формировалась дивизия. Когда дивизия была сформирована, нас отправили в Сталинград. Мы прибыли на станцию Медведица, и оттуда пешком мы шли в Сталинград. В Сталинграде был ад. Постоянный бой, постоянное ожидание смерти, но даже не это страшно, самое тяжёлое – постоянная жажда. Из Волги не напьешься – кровь и трупы. Копали ямки в земле, а земля там – сплошной известняк, руки в кровь разбивали. Потом ждали появления в тех ямках воды, жёлто-мутную жидкость и её пили. И всё же, как бы ни было трудно, жили одним стремлением разгромить фашистских гадов!

Там под Сталинградом, в местечке Ерзовка я был ранен в ногу. А там было так: ранен, а сразу не уйдёшь, пока командир не даст разрешение. Так 3 дня прошло. Потом меня отправили в эвакогоспиталь, оттуда на пересыльный пункт. И вот попал в авиацию, сначала был в батальоне обслуживания, потом меня отправили в 4-й отдельный учебно-тренировочный авиационный полк (4-й оутап), и уже потом направили в штурмовой авиационный 451-й полк 264 дивизии 5-го авиационного корпуса. И вся моя там деятельность продолжалась с 43 по 46 год, когда дивизия была расформирована.

Летали мы на штурмовиках ИЛ-2, который только-только стал двухместным. Командиром экипажа был лейтенант Анатолий Сергеевич Горин, которому в конце войны присвоили звание Героя Советского

союза. Я был стрелком-радистом, в полёте следил за воздухом, чтобы заметить истребители противника, которые, как правило, заходили в хвост штурмовику, в самое слабое место самолёта, и чтобы во время боя отбивать атаки. Когда на таких самолётах не было стрелков, очень много потерь было в нашей авиации. Первой задачей противника было убить стрелка, а тогда уже они расправлялись с самолётом.

5-м авиационным корпусом, в который входила наш 451-й авиационный полк, командовал Николай Петрович Каманин, один из первых Героев Советского Союза. В этом же корпусе служил и будущий космонавт, Герой Советского Союза Георгий Тимофеевич Береговой. В корпус входили 2 штурмовых дивизии и 1 истребительная.

Иногда приходилось совершать по два-три вылета в день. 248 боевых вылетов у меня. Это равносильно тому, если 248 раз сходить в атаку. О смерти не думали. Летали на задания как на работу. «Старики» знали своё дело, а вот молодёжь после авиационных училищ гибла, случалось по два самолёта в день теряли. Ну и лётчиков, само собой.

Вот один из эпизодов который произошёл на Западной Украине, где мы бомбили станцию. Разведка донесла, что там разгружается немецкая танковая дивизия, там же находились составы с горючим и боеприпасами. Мы выполнили задачу, успешно отштурмовали, но тут нас подбили, и мы еле дотянули до аэродрома.

Второй эпизод такой. Бомбили мы город Каменец-Подольский, нам за этот вылет всему полку присвоили звание «Каменец-подольские». Отбомбились мы там, прилетели обратно на свой аэродром. Это уже было 1 мая. Утром в 7 часов всем подъём, а в 16 часов мы вылетели штурмовать Львовский аэродром, на котором

скопилось много техники. Наш 451-й полк, 91-й полк и истребители. Истребители блокировали аэродром, а мы штурмовали.

Помню ещё такой эпизод. Это было в День Советской Армии 23 февраля 1944 года. Немцы на одном участке прорвали нашу оборону, вклинились в неё.

Нам дали задание бомбить этот клин, ну а немцам бомбить наши позиции, чтобы этот клин продвигался. И вот, на этом самом клину встретились 9 немецких «лапотников» («Ю-87»), которых прикрывали истребители и мы. Ну и заставили мы немецкие самолёты побросать бомбы на головы своих.

Нам было задание бомбить лес около Будапешта, правее есть такой городок Эстергом. Было задание идти туда. Нас должны были прикрывать истребители. Но всего поднялся один истребитель.

И вот, когда мы подходили к цели, нас начали атаковать истребители противника. Ну, до своей территории мы дотянули, а они всё время преследовали нас.

В этот вылет подбили 2 наших штурмовика и истребитель. В этой кутерьме, пока крутились, ориентировку ведущий, (а ведущий был Герой Советского Союза капитан Зарубин), потерял. И мы видим аэродром, (а сразу опознавательные знаки не увидишь), сели.

Видим, бежит кто-то, форма почти такая как у немцев. Румын оказался, нашли толмача, он и рассказал, что полк перешёл на нашу сторону, и они стали нашими союзниками.

Ну, мы посидели, потом пообедать нас пригласили. Комэск посмотрел, (а два экипажа сели), что бензина хватит, полетели. А там уже командир полка бегает: самолеты не вернулись с задания.

Во многих битвах Отечественной войны принимал участие: кроме Сталинграда, были ещё Курская битва, Корсунь-Шевченковская, Львовско-Сандомирская операция. Воевал в Румынии, Венгрии, Австрии.

Закончилась для меня война в Чехословакии, оттуда мы перелетели в Молдавию. В 1946 году нас расформировали: Каманина отправили в Южную группу войск, хотел он и нас забрать с собой, но нас отправили подо Львов, в Прикарпатский военный округ, в город Броды. Вот там я дослужил до 1948 года. В 48-м я демобилизовался. Была возможность остаться в Киеве, но тянуло домой. Вернулся в родной Торопец, женился. Вместе с женой Раисой Михайловной вырастил сыновей, Юрия и Александра. А работал на родном ремзаводе: слесарем, старшим мастером, техноруком, начальником ОТК, контролёром, отсюда и ушёл на пенсию.

Со многими однополчанами поддерживал связь после войны, в том числе с командиром экипажа А.С. Гориным. В 80-е годы побывал на встрече ветеранов 5-го штурмового авиационного корпуса в Звёздном городке, которую организовал космонавт Г.Т. Береговой. О ней сохранились тёплые воспоминания.

Награждён двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта и Вены», «За победу над Германией».

Иванов Александр Иванович

Я, Иванов Александр Иванович, родился в крестьянской семье, в деревне Мокшино Конищевского сельсовета Плоскошского района в 1924 году. Учился в школе. Перед войной окончил 7 классов

Конищевской неполной средней школы. Работал в колхозе. Когда началась война, на фронт меня не взяли, потому что не подходил по возрасту. В сентябре 1941 года нашу территорию заняли немцы. Временно находился на оккупированной немцами территории 5 месяцев. После освобождения в январе 1942 года города Торопца от немцев, вместе со своими товарищами, с которыми учился в школе, 23 февраля 1942 года я был призван в армию. Собрали нас в Плоскоши. Из Конищевского сельсовета человек двести было. Попал я в 4-ю Ударную армию, которой командовал генерал-лейтенант Еременко. Нас, молодых солдат две недели обучали в деревне Козелицы. После этого вооружили нас ломами, кирками, пилами и хотели куда-то направить на строительство военных объектов, но пройдя километров 10, нас заставили всё это бросить и вооружили. Дали винтовку со штыком и 5 патронов. После этого была сформирована часть, и отправили нас на фронт под Велиж. Там происходили ожесточённые кровопролитные бои, бомбили нас, много моих товарищей погибло. Немцами город был хорошо укреплён, имелось автоматическое оружие, много было финнов-снайперов которые старались нас уничтожить.

В первый день атаки не вернулись много товарищей: многие погибли, многие были ранены. На третьем этапе, когда мы стали наступать, 8 мая 1842 года я был ранен автоматной очередью в правую руку. Затем был направлен в госпиталь в город Торопец, где раньше я никогда не бывал. Госпиталь находился там, де сейчас хирургическое отделение. Пролежал в госпитале 3 месяца. Я много встречался с народом в городе, народ трудился, восстанавливал город. Жизнь в городе кипела. Немецкие самолёты часто налетали на

станцию Торопец и бомбили. Сам город не трогали. Бомбили часто. Причиной этому было то, что железная дорога, которая шла через Торопец снабжала Северо-Западный фронт полностью живой силой, техникой, продовольствием, короче говоря, всем тем, что требовалось для успешного наступления наших войск на северо-западном направлении. Но успеха налёты не имели, железная дорога работала и продолжала работать, и снабжала фронт всем необходимым. После 3-х месяцев, что я лежал в госпитале, меня выписали и направили в Старую Торопу, где был 1129-й запасной полк. После запасного полка меня отправили под Велиж, я попал во взвод станковых пулеметчиков. Я был очень доволен. Командир взвода был хороший, Логинов. Помню только его фамилию, а как звали, уже не помню. Командир отделения Пахомов был кадровый военный, который проходил службу ещё до войны, в станковых пулемётах хорошо разбирался. Он быстро научил нас, молодых ребят, хорошо стрелять. Это было грозное оружие и немцы, конечно, старались по возможности эти пулеметные точки уничтожить, но благодаря умелому руководству, мы продолжали воевать. Затем наш полк, который был малочисленным, оправили на переформирование, в Торопец. Нас сменила другая часть. Мы находились около Речан, жили в лесу в палатках. Приезжали в Торопец, строили дзоты. Наши два пулемёта стояли около станции Торопец, сюда ещё продолжали налетать немецкие самолёты, а мы старались их отбивать. Потом нам дали пополнение 3 тысячи солдат, в основном с юга, которые были мало приспособлены к нашей местности. Часть была сформирована и нас отправили обратно на Велиж. Пошли в наступление, выбили немцев и погнали их дальше. Там я пробыл месяца три, осколком меня

ранило в левую ногу. Командир взвода говорит: «Ты, Иванов, не уходи, нас мало осталось, я подам документы на твоё награждение». Я недели 2 пробыл, командир отделения сказал, чтобы я остался, а он будет готовить на меня документы на награждения. Пробыл я неделю, но нога стала краснеть, понял, что ногу могут отнять. Обратился к медикам и меня отправили в полевой госпиталь. Там мне сделали операцию и пролежал в госпитале около 5 месяца. После, как обычно приезжали в госпитали с разных частей и набирали солдат тех специальностей, которые им были нужны: танкистов, связистов и других. Мне главный врач госпиталя и говорит: «Иванов, я тебе советую идти в связь». Я подумал и согласился. Попал в часть, там месяца 2 ещё лечился. Изучали в части то, что требовалось для связи. Полк связи, в который я попал, который обслуживал в основном высшее командование. Воевал на трёх фронтах: Ленинградском, Прибалтийском, Украинском.

Потом, когда прорвали оборону под Ленинградом, наш полк перебросили для оказания помощи Ленинградскому фронту. Там самое страшное было, что я видел на войне: там много раненых, много убитых, много шуму, криков «Помогите!», «Пристрелите». Вот так, я молодой парень, впервые за время прохождения службы увидел так много народу, много техники, всего много.

Потом я участвовал в освобождении города Риги. После освобождения Риги, перешли границу Польши и я участвовал в освобождении Варшавы. В Польше было трудно: много было таких, которые русских солдат не любили, стреляли в них. Ну, они и своих поляков не любили, которые были за советскую власть и уничтожали их. После этого, как мы взяли Варшаву, нам было направление двигаться в сторону Германии,

в сторону Берлина. Пройдя километров 180, мы получили приказ повернуть в сторону Чехословакии. В Чехословакию мы пришли, когда столица их, Прага ещё не была взята. Так мне пришлось участвовать в освобождении Праги. 9 мая объявили День Победы. А Прагу мы освободили только 12 мая. И там мы праздновали Победу. Вот так кончилась война. Конечно, мы были очень рады и торжествовали, что пришёл День Победы. После окончания войны мне пришлось ещё 2 года прослужить во Львове, где свирепствовали бандиты: там, конечно, погибло много наших людей. Всего я прослужил 5 лет и 2 месяца. В 47 году я вернулся из армии, вернулся в Плоскошский район, в своё родное село. Работал в финансовых органах, райкоме партии. В 1960 году район ликвидировали, я переехал в совхоз «Подгороднее». Работал управляющим отделением совхоза в Ляпунове, затем меня избрали секретарём парткома. Организовал вечерние курсы при совхозе. Нас, человек 20 окончили их, получили здесь среднее образование. Я тоже закончил 11 классов, затем поступил в Калининский техникум, получил образование агронома. Пришлось после этого 4 года поработать директором совхоза «Понизовский». Семья со мной не поехала, поэтому я вернулся в Подгороднее. Работал председателем профсоюзного комитета 10 лет. В 1986 году ушёл на пенсию. Вскоре после этого в стране стали создаваться ветеранские организации и в 1987 году я был избран председателем ветеранской организации в Подгороднем.

Награжден боевым орденом Отечественной войны II степени и медалями «За боевые заслуги» и «За освобождение Праги». **Присвоено звание «Почётный гражданин Торопецкого района.**

Буров Николай Макарович

Родился я 3 декабря 1923 года в селе Нерль, ныне Калязинского района Калининской области.

После окончания в 1940 году десятилетки я поступил в учительский институт. Но в последний предвоенный год в стране была введена плата за обучение, а стипендии отменены. Поэтому с учебой пришлось "покончить" - средств на мое обучение крестьянской нашей семье не было. И с ноября 40-го по июль 41-го я работал инструктором спортивного общества "Спартак" в Нерли, поселке, расположенном неподалеку от Калязина. На 22 июня были назначены соревнования по футболу, мы у себя должны были принимать команду футболистов из Калязина. Все были на стадионе. Светило солнце, стояла прекрасная безоблачная летняя погода. Вдруг в 12 часов выступление по радио выступление Молотова: «Фашистская Германия бомбила наши западные пограничные города». А для нас - началась Великая Отечественная война. Мы, молодые, в то время реально не представляли, что это такое для нашей Родины. Потом, конечно, разобрались, что это нависла грандиозная опасность. После начала войны, через 3 недели, я был призван в армию, т.е. война началась 22 июня, а я был призван в армию 13 июля 41-го года. Мобилизованных молодых ребят из Калязинского, Кашинского, Кесовогорского районов погрузили на пароход, как сейчас помню, он назывался в честь героя Гражданской войны «Память Азина» и отправили в город Горький.

Начало боевого пути сложилось несколько необычно. Служба моя началась в Автозаводском районе Горького, в автомобильном учебном полку. В штабе полка у меня была штатная должность и я мог бы там до конца войны «провоевать». Но после того, как был закончен курс, и я

получил удостоверение шофера, я подал рапорт с просьбой направить меня на фронт. Командир роты рапорт не подписал. Пришлось обратиться к заместителю командира полка, который сказал: «Хорошо, мы тебя отпускаем, но ты подыщи на свою должность подходящего человека, который бы работал так, как надо». Я был там на хорошем счету, как, впрочем, и везде, где служил. И в полку в звании старшины я был всё это время на офицерской должности.

Из Горького я был направлен в Костерево Владимирской области, где формировались танковые части. И я попал шофером в 173-ю отдельную танковую бригаду, которая только что вернулась со Сталинградского фронта на переформирование. Вскоре бригада была направлена под Воронеж на фронт.

Получив сокрушительный удар под Сталинградом, немцы надеялись переломить ход войны, взять реванш за поражение на Волге. В результате массированного наступления противнику удалось снова овладеть Харьковым и выйти на рубеж Северного Донца. В июле 43-го началось Орловско-Курское сражение. В жестоких боях сошлись в начале июля пехота и танки. Танковая бригада, в которой я служил, входила е состав войск 57-й армии Юго-Западного фронта. Закончилась Орловско-Курская операция 23 августа освобождением Харькова. Затем наша танковая бригада участвовала в освобождении городов Белгород, Черкассы.

В 44-м году 173-я отдельная танковая бригада в городе Чугуеве Харьковской области была переформирована в 6-й отдельный мотоциклетный полк, который вскоре вошёл в состав 1-й гвардейской танковой армии. Командовал армией генерал-полковник Михаил Ефимович Катуков.

Принимал я участие в освобождении Польши и закончил войну в Берлине

День Победы для меня, как и для многих тысяч советских солдат, запомнился, конечно, на всю жизнь. 9 мая наш полк построили, объявили о победе, поступил приказ быть "при параде", надеть самое лучшее. Парад проходил на одной из улиц Берлина, в нём участвовали два полка. Приехали и американцы на двух бронетранспортерах. На радостях попытались с ними общаться. Но мы не знали английского, а они - русского, так что общались на немецком языке. Так и проходил этот мини-парад. Позже, уже вечером, над Берлином был дан своеобразный салют победителей - стреляли из всего, что имелось под рукой, выражая таким образом огромную радость долгожданной победе,

На этом война для меня закончилась. Но не закончилась моя служба. До марта 1947 года служил в Германии, в Дрездене, в ГСОВГ - группе советских оккупационных войск в Германии. Но слово "оккупант" тогда имело совсем иное значение, чем-то, что приобрело впоследствии, и предполагало участие освободителей в структурах местной власти.

Награждён боевыми наградами в том числе орденом Красной Звезды.

После войны неоднократно встречался со своими однополчанами. Из числа призванных в армию 1922-1923 годов рождения, как известно, к концу войны в живых осталось только 3%. Я в том числе. Да, это вызывает радость, но и глубокое чувство вины за товарищей, "с кровавых не вернувшихся полей". Все мы перед ними в неоплатном долгу. И не думать о них, не вспоминать, думаю, не может ни один из нас, участников тех боев. Отступления, потеря боевых товарищей – это самые тяжелые воспоминания о войне.

После мобилизации вернулся на родину. Работал первым секретарём Калязинского райкома партии. Заочно окончил сельскохозяйственный институт, работал начальником управления сельского хозяйства в Калязине и, на такой же должности в течение 16 лет в Торопце.

Присвоено звание «Почётный гражданин Торопецкого района»

Петренко Александра Ильинична

Не могу сказать, что я 100-процентная фронтовичка. Всю войну я провела в прифронтовой зоне. Сначала в госпитале блокадного Ленинграда, затем в 3-м военизированном отделении службы движения Октябрьской железной дороги. Но и этой войны с лихвой хватило всем в моем роду: и мне, и матери, и отцу, и сестре, и мужу...

До войны я жила в Ленинграде, попала туда девочкой, меня взяли на воспитание.

Войну я встретила 18-летней девушкой. Работала на текстильно-прядильной фабрике «Возрождение», где мы пряли тросы и канаты для нужд флота. Я работала приёмщицей-кладовщицей. Работа мне очень нравилась, ну, и одновременно я училась. При фабрике у нас техникум был по изучению тканей. Войну я встретила на работе. Было очень тревожно. Нас всех пригласили во двор, двор был чистый, большой. Первой выступила председатель фабричного комитета, и вот нам объявили, что началась война. Кто-то плакал, а кто-то и не понимал, что произошло. После митинга к нам обратились от фабкома: «Дорогие женщины, девушки, записываем добровольцев на фронт, на оборону Ленинграда. Я, правда, не записалась, поскольку жила с бабушкой, всё же я должна была с кем-то посоветоваться. А молодёжи нашей записалось очень

много, где они сегодня, что они, я не знаю. После того, как они ушли с фабрики, я ни с кем не встречалась. Когда стали поступать в Ленинград раненые, нас, фабричных девчонок, бросили в помощь госпиталю. Так теперь стала называться больница Мечникова, которая размещалась рядом с фабрикой. Многих врачей и медсестёр из больницы мобилизовали на фронт, вот мы и помогали. Смену отработаем и в госпиталь. Первые эшелоны с ранеными стали приходить в Ленинград почти сразу же - на границе шли ожесточенные бои. Нам была поручена разгрузка вагонов с ранеными бойцами, подготовка помещений. Это продолжалось целый месяц. И потом вдруг приходим мы с подругой Раисой на работу, а нас всех собрали и говорят: «Девочки, с сегодняшнего дня вы переходите к нам на постоянную работу, рук не хватает». Ну, на постоянную, так на постоянную: полы помыть, или ещё что там, разгрузить раненых, ну и госпиталь приходилось наш маскировать специальными сетками. Госпиталь был очень большой и на него приходилось натягивать эти сетки. Такой же маскировочной сеткой был затянут Большой Охтинский мост и Смольный, наш центр.

Когда перешли в госпиталь постоянно работать, нас перевели на казённое положение. Домой отпускали очень редко.

К августу 1941, когда немцы стояли у самых ворот Ленинграда, к нам стали не вагоны поступать с ранеными, а поезда. Количество таких эшелонов резко возросло! Поступали в основном в ночное время. Ночью разгружаем. Тех, которые ноги переставляли, в приёмный покой сопровождали, а тех, которые не ходили, на носилках носили. Вот так ночь поработаешь, наутро надо людей к операции готовить. Август, сентябрь и в октябре ещё неплохо было: ещё у нас работал душ, ещё у нас достаточно было воды, и даже в

душе была горячая вода. Мыли раненых, всё кругом обмывали. А были такие, что у них от крови всё нательное белье присохло к телу. Тяжело вспоминать. Итак каждый день. Ночь разгружаем, день моем, палаты убираем, обеды раздаем. Кормили в первое время раненых очень хорошо. Представьте себе, очень хорошо. Откуда всё это было, я не знаю. Но когда разбомбили, так называемые бадаевские склады, и нам уже в августе не полностью отоваривали хлебные карточки, уже не полностью. А потом всё хуже и хуже. Сначала было 600 граммов хлеба, потом 250, а потом уже съехали и на 125 грамм. Может быть, я выжила и живу сегодня, только за счёт того, что я работала в госпитале.

Раненых нужно было не только лечить. Их нужно было и кормить. В блокадном городе это была самая трудная проблема. Чтобы хоть как-то поддержать и их, и медперсонал, к последним вагонам военно-санитарного поезда иногда прицепляли «ледники» с кусками конины. Откуда они брались на фронте - ясно. Мы смешивали конину с крапивой, благодаря такой фронтовой поддержке и выхаживали раненых.

Были такие, которым ложку с этим борщом с крапивой не запихать в рот, отвечали: «Доченька, я не хочу, я не хочу». А нам было строго наказано, всё что раненые не доедали, (мы так и называли объедки) нести на кухню. Всё это сливали в кастрюли, кипятили, и вот сколько соберется за день, нам давали, когда по тарелочке, а когда и по половинке тарелки этих объедков. Хлеба, конечно, не давали, не было, а вот этот супчик, или щи крапивные как его называли, нам давали. Ну в то время это было большое подспорье, конечно, большое.

Кормлю я однажды таким супчиком раненого. С ложечки кормлю, так как рученьки и глаза забинтованы. А он не ест! Отказывается. Был он из недавно

поступивших, не отошел еще от болезненных госпитальных процедур - вот и аппетита нет. Понесла я несъеденную миску обратно на кухню. У нас с этим было очень строго. Что не доедалось - не выбрасывалось, а переваривалось в котле на следующий день. А навстречу мне начальник отделения: «Ты почему миску обратно несешь? Как так не ест? Да если мы так будем своих раненых кормить, немцы завтра же будут в Ленинграде! Иди обратно! И пока не съест - не возвращайся!»

Как я только своего раненого ни уговаривала! Сама ела вместе с ним: ложку себе - две ему.

Доел он, а потом и говорит: «Доченька, помой мне ноги. Больно чешутся». Он недавно с фронта, все ноги до колен в окопной грязи и саже. Пальцев на ногах не видно. Еле-еле тесемки на кальсонах развязала. Вымыла, переодела в чистое. Сколько таких было, беспомощных и родных солдатиков.

И вот так, начиная с конца июня 1941 и по 23 февраля 1942 года я работала в госпитале.

К тому времени наша девичья бригада уже поднаторела в своем деле, были мы и «стреляными», и видавшими виды». В день разгружали по нескольку эшелонов с ранеными.

Жили практически в госпитале - на отдых дома времени не хватало. Под бомбежкой, под артобстрелами. Но мы-то ладно. А вот кому доставалось по-настоящему, так это хирургам! Поток оперируемых был настолько плотен, что они работали не только без выходных, но и без перерывов на обед. Бывало, сестра сунет хирургу в рот под повязку кусочек сахара, даст чайку пригубить - и он опять к операционному столу.

Но очень скоро и сахара не стало - Ленинград оказался в кольце блокады. Это были для меня самые

тяжелые дни войны. Было и голодно, и холодно, и тревожно. Но мы жили бурной жизнью. С думой о будущем своей Родины. И лозунг «Все для фронта, все для победы» был для нас смыслом жизни. А какие самоотверженные люди меня окружали!

Как-то в декабре 41-го разгружали очередной поезд с ранеными, уже и не помнили, какой по счету. Уставшие, голодные, сами еле на ногах стоим. А тут подбегает к нам начальник ВСП (военно-санитарный поезд). Кричит простуженным голосом: «Девочки, родные, побыстрей! Нас ведь на фронте ждут ваши мужья, братья и отцы, От вашей скорости сейчас их жизнь зависит!» Мы старались изо всех сил. И так вплоть до прорыва блокады.

18 января 1942 года по радио раздался тревожный голос Левитана. Его мы боялись больше, чем бомбежки! В саму душу проникал его голос. Да и с начала войны мало мы слышали от него хорошего. А тут: о начале прорыва блокады, об установлении сообщения с «большой землей» через Ладожское озеро.

Мы от радости целовали раненых, друг друга обнимали, становились перед динамиком на колени.

В года по радио мы прослушали обращение Центрального Комитета ВКП (б) к жителям блокадного Ленинграда. Тем, кто еще был в состоянии, и у кого есть возможность, предлагалось временно покинуть город через Ладожскую «дорогу жизни».

23 февраля я чудом оказалась на «большой земле», но до станции Мартисово добралась только 19 марта. Была от голода очень слаба, еле передвигалась. Помногу лежала. А уже 3 апреля мне принесли повестку о призыве в армию. Ни уговоры матери, ни ее ссылки на мою слабость после блокады, ни больная сестра, ни воюющий на фронте отец-кормилец, ничего

в расчет не принималось. Офицер был непреклонен: «Мать-Родину надо защищать...».

Под Андреаполем формировался железнодорожный отряд.

Почти двое суток мы с подругой пешком, добиралась из Мартисова до Андреаполя, где размещался призывной пункт. Пришли к военкомату, народу уже много собралось мальчишек было мало, в основном, девочки. Определили меня в службу движения Октябрьской железной дороги. Подготовительные курсы я проходила в Торопце. Как готовили офицеров в войну, так готовили и работников железнодорожного транспорта. Разделили нас на две группы. Одну группу, те, которые посолидней были, готовили для диспетчеров, а я попала в группу дежурных по станции.

Преподавали нам великолукские специалисты, каждый по своей специальности.

По окончанию курсов, а экзамен я успешно сдала, они меня оставили работать в аппарате техником-анализатором. После освобождения Великих Лук от немцев в Луки перевели наш аппарат. А я сама стала проситься перевести меня на линию. Я уже столько натерпелась, что никуда не хотела далеко отрываться. И вот меня перевели на 226-й разъезд дежурным по станции или, как он называется, Котово. Это от Торопца 2-й разъезд. На этом разъезде я недолго работала. Начались мои мытарства, меня постоянно перебрасывали с разъезда на разъезд. Начиная от Осташкова и кончая Белорусской железной дорогой нет такого полустанка, где бы мне не пришлось работать. Ночь сменилась, по селектору приказ: «Завтра к 8-ми утра на такой-то разъезд». В Андреаполе работала, на 183-м, 204-м, 210-м тоже. Работала на 224-м, так называемом отстойнике, это когда Торопец не мог принимать литерные и наливные поезда, мы встречали

на перегоне и ставили в этот отстойник. Потом были 226-й, 232-й, 241-й, 251-й разъезды. Когда ветку вели на Старую Торопу, тогда я работала проводником. Все разъезды находились в землянках, так что мы где работали, там и жили. И даже станция Мартисово находилась в землянке. Вокзала не было. В большую гильзу вставляли кусок солдатской шинели, намоченный в керосине, и вот этим мы и освещались. И этим же освещали стрелочные посты. А керосин ездили получать в Осташков, в отделение № 3. Ездить приходилось часто, помногу не давали. Давали строго норму, чтобы мы его не пережгли. И ручной фонарь, с которым мы встречали поезд из такой же солдатской шинели был.

А потом меня уже назначили ответственной дежурной по станции Мартисово. Служба была напряженная. За 12-часовую смену приходилось обеспечивать прохождение, отправку до 24 эшелонов только с ранеными, не говоря о поездах с войсками, оружием, техникой и другими военными грузами. Пока фронт был близко, всегда существовала опасность воздушных налетов.

На станции Мартисово нашла я свою любовь. В 43-м году их часть из-под Волоколамска была направлена к нам в Мартисово на переформирование. Они недолго стояли. Провожала я его в январе месяце 44 года. Их часть была направлена в Восточную Пруссию. И вот в первом письме оттуда он пишет: «Шура, не будет долго писем, не обижайся, у нас кипит вода, горит земля». Это было зимой, кажется в феврале, и после этого он потерялся. И уже поздним летом получаю письмо, уже другой адрес, другая полевая почта. Пишет: «Шура, я жив, здоров. После ремонта – опять в строю. И так с 44-го по 47 год нас связывала полевая почта, которой я всю жизнь благодарна. А 1 мая 1947 года он уже

приехал за мной в Мартисово. Пришёл и говорит: «Шура собирайся, я за тобой». Оказалось, что командир его части Гаврила Александрович Ероховец уже демобилизовался и держал для нас в Прибалтике квартиру. Поехали в отделение, я уволилась и 14 мая мы уже уехали из Мартисова в Прибалтику. Пришли в квартиру, а там ничего нет: ни стола, ни стула, ничего. И родных у нас никого - помогать некому. У него солдатская шинель, у меня - железнодорожная. Вот так мы начинали жить. После Прибалтики пытались устроиться жить в Ленинграде, но там всё было по лимиту. На родину мужа, на Украину я не хотела ехать, и мы перебрались в Торопец. Я сначала работала в воинской части писарем, потом 24 года на швейной фабрике. Сначала в швейном цехе, затем перевели меня в отдел товароведом, затем начальником сбыта. А потом уже я осталась начальником отдела сбыта и снабжения. Отсюда и ушла на пенсию. И ещё 16 лет проработала в общепите, будучи пенсионеркой.

У меня есть сын, двое внучат.

Никитина Лидия Ивановна

…А в 1941 году началась Великая Отечественная война с Германией.

22 июня 1941 года — «ровно в 4 часа». Я работала в средней школе № 1 (директор А. И. Свентиков) заведующей библиотекой. По вечерам ходила в узел связи, где вела передачу «Последние новости города». Началась война! Брата призвали в июне 41-го на защиту Родины и, кажется, в партизанский отряд. Больше мы о нем никогда ничего не узнали. Было утверждение, что его казнили на Смоленщине в д. Село фашисты на глазах людей из 3-х деревень. Поиск вел генерал Долгов (после войны), но точно утверждение

не доказано, хотя свидетели деревень и партизанского отряда утверждали, что это он — Родин Александр; материал послан в Москву, этим дело и закончилось.

А в 1941 г. Торопец оккупировали фашисты. 5 месяцев страшной оккупации мы с мамой жили в кладбищенской сторожке. Хорошо, что фашисты, боясь партизан, на кладбище не заходили почти. Когда потом работал храм Жен Мироносиц, так они появлялись изредка, а фашисты это были или наша разведка в немецком обмундировании — трудно сказать; подходили к священнику, шептались с ним — служил о. Леонид Просовецкий…

Звали его Красный поп — поп был жестокий по натуре. По городу расхаживал не боясь, в кармане пропуск от фашистов. Поп Просовецкий; с ним служил о. Анатолий Богданов, дьяк. Так жили под пятой фашистов до января 1942 года, боясь куда-то пойти. Мы с мамой в сторожке храма, дрожа от страха, когда на кладбище появлялись немцы…

Тяжелая пора оккупации 5 месяцев, как в заключении. Ночами с фитюлькой на печке… Храм работал — служил Просовецкий, Красный поп! Но я и в церковь не ходила, не тянуло!.. А когда освободили Торопец от фашистов, какой-то лейтенант выстрелил в попа Леонида, ранил в руку, так его арестовали. Вот и непонятно… кому служил этот поп?!! Затем вообще его не стало в городе надолго, а позднее вроде появлялся!

Вернусь к оккупации. В 1942 году были сильные морозы и очень глубокий снег! Так где-то (кажется, перед тем, как немцы оккупировали Торопец) это был сентябрь месяц, на кладбище заехали 2 машины: легковая и грузовая, а в них 6 человек наших, родных, зашли и попросились до утра остановиться; стали перекусывать, нас угостили — один из них снял шинель, остался в мундире, на рукаве которого

комиссарская эмблема, а на петлицах я плохо тогда разбиралась. Но когда он обратился ко мне попросить иголочки что-то зашить, и я предложила: «Товарищ комиссар, разрешите, я зашью». Он переглянулся со своими офицерами и сказал: «Доченька, солдат сам должен делать всё». С удивлением глянул на меня и на портрет Ворошилова, что был у меня на стене, и засмеялся: «Вот, ребята, и тут объявился». Это был Он — К. Е. Ворошилов — одно лицо, что на портрете, то и него!!!

Мама стала плакать, что уже близко немцы, а она с дочкой не смогла никуда уехать! Он приказал: «Собирайтесь, если есть деревня близко, мы вас довезем, где и оставим. Да — немцы будут в Торопце вот-вот. Они уже на вокзале. Мы только проскочили там, а едем на Торопу».

К утру раненько мы с мамой ехали на грузовой машине, чем-то нагруженной, наверху. Они довезли нас до сворота на д. Горбы, распрощались — Ворошилов расцеловал маму и меня, пожелал нам не бояться, беречь себя, что фашистов скоро выгонят!!! Мы пошли в лес по дорожке — они поехали на Речане. Не скоро немцев выгнали — 4 года войны…

В лесу мы услышали голоса людей в сооруженных самими погребах.

Нас встретили знакомые — даже родня, где мы были до утра!

Утром я и мама пошли по дороге к дому, куда ж теперь еще идти. Набрали грибов в ведерко, дали нам чайник молока, картошки, еще кое-что, и мы пошли домой. Было раннее утро… Идем по Бельскому большаку — сзади две машины догоняют, в которых, о! ужас — немцы. От страха задрожали. Обе машины остановились, в которых полные кузова врагов…

«Хальт! Хальт!» 2-е соскочили и к нам с оружием — страшно вспоминать. Мама стояла вся белая с дрожащими губами, а я не помню, как не остановилось мое сердце (где его порок?).

Один схватил ведро — высыпал грибы на землю, второй схватил чайник с молоком и в машину. Хохот, гвалт, а мы, как две пташки дрожащие, что будет: застрелят или как!!!

Побежали к машине эти двое, а там хохот и т. п. Уехали — мы чуть живые от страха свернули в кусты и пошли домой… убитые горем, страхом! Молча, только у матушки текли слезы по щекам, а у меня от страха встречи с врагами млело сердце.

Потянулись страшные дни оккупации — 5 месяцев, как пять лет.

Ночами на печке с ночником!

Днями дома в страхе, что вот-вот зайдут на кладбище враги. Но заходили они редко. Только один раз ворвались к нам, всё перевернули, стреляли за печку, откуда выскочила в страхе кошка. Штыками даже постель прокололи — искали партизан. Затем приказали матери: «Одевайся!» И повели, наставив автомат; она, оглядываясь со слезами на меня, пошла, а меня оттолкнули от нее, полицай хохотал: «Не бойсь!» Так им не надо — сильно худущая! Я осталась, а куда увели мать?!

Немцы затопили плиту, их было человек 7.

А маму, как и других соседей, увели в церковь Богоявления, где полицаи опознавали: кого знали — отпускали, кого нет — в тюрьму до выяснения!

Так жили впроголодь, в страхе и т. п. все 5 месяцев оккупации. Страшно вспомнить всю эту жизнь.

Иногда у нас в сторожке ночевал дьяк Анатолий Богданов; он был больной человек, живший с матерью в городе на Советской улице. Домой ночью идти боялся

после службы и, когда он ночевал, было повеселее. Ужинал какими-то требухами, еще отходами от животных, убитых немцами. Нас угощал! Спал на печке, где раз кошка стащила кусочек требуха, — даже плакал!..

Иногда я с подругой Валей очень редко, ходили в город, повязав низко на лоб платки. Ходили в дом ее бабушки, где долго лежал раненый наш командир: носили ему хлебца, табачку; в доме у Вали стояли немцы!

Ходи несколько раз закоулками на улицу Карла Маркса. Но однажды пришли — раненого нет, его утащили немцы, как сказали соседи, вначале избили по раненой ноге сапогами. Гады. Вот так вся оккупация в голоде, страхе и т. д.

Однажды в сторожку явилось несколько немцев и с полицаями, приказали нам убираться! Будут строить засаду на кладбище — бить русских.

Мебель нашу стали выбрасывать на улицу, и всё, что было. Мы с мамой только смогли взять по узелку и уйти в деревню Шатры, где жила племянница мамы Анна Бенецкая с ребятами. Открыли храм Жен Мироносиц — полицай сходил за ключами к старосте, туда поселились, видимо, сразу немцы — много; на ограду ставили пулеметы, копали траншеи в снегу — хозяйничали как дома. Мы в отчаянии уходили в деревню, где прожили две недели, ютясь там тоже на печке и где было место. Ребята шатровские бегали в город, сообщали новости: на кладбище, на колокольне, связист, в сторожке немцы, в храме тоже — топят печки, жгут иконы из храма. Вездесущие мальчишки, не боясь, сообщали, что где-то за станцией уже идут бои, в городе пожары!..

Однажды они же сбегали в город и сообщили, что немцев уже гонят, что на станцию уже советские войска

вступают. Страх! А потом сообщали, что наш советский снаряд один угодил на колокольню, а другой в сторожку, которая разбита; на кладбище уже куча убитых немцев… Но наших пока в этой части города не видели.

Ночью ребята, охранявшие амбар с зерном, прибежали с криком — со стороны околицы деревни кто-то двигаются на лыжах. Все насторожились — немцы, и вдруг ребята закричали: «Матом ругаются — это не немцы — наши». Побежали встречать. К деревне двигался отряд наших лыжников: «Ура!» Встречали с радостью своих освободителей — заварилась картошка и т. п. Радость!!! К утру отряд двинулся к городу, а с ними мальчишки…

На следующий день мы с мамой побрели к дому, который уже был разбит. На кладбище куча убитых немцев — наши жители уже шарят и в церкви, и в сторожке (всё, что выброшено, что сожжено, что разграблено и то, что мы с мамой, конечно, взять не могли). В кладовке немецкая овчарка рычит; в сторожке гранаты и другое оружие. Вот так мы остались без жилья! Куда идти? В сторожку зашла баба Дарья и давай со стенок рамочки наши снимать, иконки. Какая наглость и жадность! «Тетя Даша, это же наши вещички», — говорю, сама плачу. Мама тоже стоит вся бледная!

«Идите живите в нашу избу пока, а мы с Митькой — у Марии на Высокой улице».

Пошли, куда ж еще идти. Прожили недели две, за которые покоя не было. Только ляжем спать — стучатся в дверь, окна. «Открывай! Это мы, советские солдаты!» Одни полежат немного, уходили в город, на следующую ночь другие…

Ну, а затем, когда явились Митька да Дарья, пришлось уходить опять с узелками в город, где нашли

частную квартирку-кухню в доме Татарина. Откуда меня призвали в военкомат, как и многих девчат из города. «Вы оформляетесь в мед-санитарный отряд — на фронт!» Мама оставалась одна, а дочка вслед за сыном — на фронт!!! Отказываться не посмела, хотя мать оставалась одна! Недолго отряд располагался в д. Шатры, а затем фронтовые пути-дороги: под бомбежками, обстрелами врага и т. п. Тяжелая работа зимой и летом — обеспечение наших войск чистым бельем! А такое белье привозили к нам: вши, гной, гной, кровь, грязь — всё это обрабатывали. Жили больше в палатках в лесу, в заброшенных сараях, которые вначале надо было оборудовать для жилья и для работы. Кроме того, нести караул на посту, оберегаясь от бомбежек, обстрела врага. А бомбили очень часто — белье белое хорошо просматривалось и в лесу. Иногда приходилось работать в зданиях школ и других зданиях, где еще чаще подвергались бомбежкам, во время которых надо было бежать на крышу сбрасывать «зажигалки». В одну из бомбежек получила ранение в левую ногу. Недолго лежала в медсанбате и опять работа. Письма домой маме. Письма другу Грише Чулкову, с которым познакомились, живя в избе б. Дарьи. Украинец, хороший парень. Сидели вечерами на кухоньке, на скамеечке, а рядом спала мама; говорили обо всём, только не о любви; интересно, что на эту тему Гриша не говорил, а я тем более. А когда их часть уехала дальше на фронт — направление Западная Двина, Смоленщина и т. д., тогда стали приходить мне письма от Гриши, полные любви, мечтаний о будущей Победе! и т. п. Я отвечала, но, увы, в 1943 году Гриша погиб — извещение пришло на отряд… Жаль было парня до слез!..

Затем двигались дальше до Восточной Пруссии. В 1943 году получила первую награду — боевую медаль «За боевые заслуги»… Затем, позднее, другие. Несколько девчат погибло… подорвались на минах, которыми фашисты, отступая, щедро наградили всё, что можно: лес, яблони, постройки и т. д.

Трудная жизнь, тяжела работа, тревоги и т. п. вплоть до дня Победы, которую встречали в Восточной Пруссии, невдалеке от Кенигсберга. Весна, 1945 год, 9 мая — от работы было дано 3 дня отдыха!.. Лучше б не было его, этого отдыха! Он для меня и других девчонок явился несчастьем на всю жизнь. Как же радость!

Если раньше мы не видели своих солдат почти. А тут в отряд ринулась вся 54-я дивизия стрелковая, не вся, конечно, а которые стремились погулять… Еще какие-то дивизионы соседские, разведывательная рота, стройбатальон и другие виды войска нашего — соседи. Прибежали, на конях прискакали на и т. п., с оружием, из которого палили салют Победе, с гармошками — и пошла гулянка на территории отряда — командование наше не возражало. Девчата, что были побоязливее да поскромнее, — подальше с глаз: Шура Иванова (потом Юрасова и др.). «А где ж комсорг отряда?» — вопрос нашего майора (начальника отряда). Притащили Никитину Лидию — девчата: «Давай, комсорг, организуй хор наш!» Собрала, не весь, правда, но много, выступали перед бойцами долго. И раньше ездили в близлежащие военные части, до Победы еще, — выступали там, нас уже много видели, знали. А теперь наградили аплодисментами, забросали весенними цветочками, веточками… подснежниками, черемухой и др.

Затем на полянке у березняка танцы открылись. Все были наверху блаженства, радости! Так продолжалось 2-3 дня. Надо и к работе приступать… Это был май

месяц, а затем… А в начале июня стали появляться женихи — и всё больше офицерняк. Рядовых, верно, не очень отпускали. Ну, а девчонки, что поумнее были да поосторожнее, притаились — опять же Шура Иванова, моя торопчанка, говорила мне**:** «Лида, давай держаться, верить кому-то еще рано!.. Давай, Шурочка, держаться**!»**

Куда там, продержался «умный» комсорг Лида недолго…

Счет открыла Наташа Литвинова; явился за ней из дивизии старший лейтенант Пахолков, жених с предложением. Пошли в штаб, о чем говорили, не знаю, но через 2 дня в отряде состоялась свадьба Наташи, а потом и других девчат, в том числе и комсорга — умной Никитиной. Где осторожность, где это? Всё затмил капитан Балашов Иван со своим Вороным. Говорил со мной Иван, потом к начальству поехал! К замполиту Ванифатьеву, командиру отряда И.С. Шашкову, чтоб разрешили Лиде Никитиной тоже уехать в дивизию, как и Наташе. 3 дня добивались — ну и добились!.. Дура — зачем было так спешить; боялась — не хватит женихов. Теперь на 9-м десятке жизни кляну себя за то, что давно прошло!!!

Состоялась и моя свадьба в отряде, но радости почему-то не было! Какое-то затмение в мозгу! Ах, если б тогда не поспешила, всё было б хорошо! Откуда я знала тогда, что будет война с Японией в сентябре! А свадьбу справляли в июне 1945 г. 20-го июня меня Иван Ильич всё же увез в дивизию, где я прожила в одурманивающем тумане до начала августа 45-го.

И почему ныло сердце, что не надо было спешить, — не радовали его ласки, забота; тоска по отряду, как по дому родному, не давала покоя…

Но вот и оправдалось мое предчувствие. Пришел Иван из штаба дивизии и чуть не в слезах сообщил:

дивизию отправляют на восточный фронт — война с Японией на 3 сентября 1945 г. «Ну, что, женушка, поедем теперь бить японцев, мы их мигом разгромим!!!» Разгромили их, да, скоро, но много погибло и наших, в том числе мой муж Иван Ильич.

С дивизией я не согласилась ехать, да я еще и оформлена не была в составе дивизии, я еще числилась в 358 полевом отряде. «Никуда не поеду, напрасные уговоры — вези меня, „мой повелитель“, в отряд!» И слезы без конца! И предчувствие чего-то страшного!!! А чего?!

Ну, отвез меня «домой» (в отряд), а все девчонки, которые даже завидовали мне, которые сожалели, а которые торжествовали: «Наша Лида вернулась к нам с замужества!» Ну, а что. Прискакал Иван на Воронке и сообщил, что всё! Спешное сообщение — выезжать! Попрощались, опять слезы и т. п. Оставил меня, денег и велел ехать в Москву! Я в Москву не поехала, конечно, а с Катей Седовой стали собираться в Торопец. Начальство наше меня и ее не задерживало, выдали увольнительное и через 2 дня мы с ней поехали домой — к мамам: я и она тоже. В связи с выходом замуж! Вот и всё. В дороге где-то Иван мне прислал письмо еще на отряд, что всё будет хорошо, что скоро встретимся — сперва в Торопце, а потом к его маме в Москву. Встретились!!! Увы…

Встретились с мамой на Комсомольской. Иду с чемоданом своим, а она идет навстречу к городу, и меня не узнала, пока я не бросилась к ней на шею. Обе заплакали, то ли от радости, то ли от чего еще. «Доченька, слава Богу, ты вернулась, а от Саши нет ничего — пропал сынок!» Что теперь вспоминать, началась жизнь в городе с мамой, всё рассказала, как есть, но она почему-то была печальная, хоть говорила мне, что всё хорошо, вернется твой муж, и, конечно,

тебя увезет, а я опять останусь горевать одна. Но получилось потом, что горевать пришлось нам вместе, а позднее втроем… Ни одного письма от Ивана Ильича, пока не пришло страшное известие из отряда. Вот и всё. Наверное, я повторяюсь. Дали квартиру, работу в райисполкоме, с которой по глупости уволилась — даже не получила декретных, дура! Начались житейские хлопоты — ходьба по магазинам, чтобы купить коммерческий хлеб, который был очень дорогой, а так давали карточки по 200 грамм на человека. Мама часто уходила в деревни, чтобы достать картошки или еще чего, и так до моих родов, когда на свет появилась дочка вместо сына!..

И вдруг мне стали приходить письма, но нет — не от мужа. Когда-то в сторожке жили у нас из деревни Никулино 2 парня, которые учились на трактористов, учились месяца 4-5. Один из них, Петя Антонов, всё заглядывался на меня, но никогда ни слова ни о чем, а парень был влюблен в меня… И так, пока его взяли в армию служить срочную — я ни о чем не догадывалась. В 1940 году его призвали, зашли с отцом Антоном к нам (я работала тогда в школе № 1 в библиотеке) до начала войны 1941 года. Когда зашли прощаться к нам, вот тогда я поняла что-то по Пете. Тем более дядя Антон сказал: «Ну, что ж, отслужится Петя, придем в сваты. Будешь моей невесткой или нет?!!» Ничего я не могла сказать, засмущалась, когда Петя подошел и поцеловал меня в щеку. «Жди меня, Лида!!!» Писал письма хорошие и часто, но вдруг грянул 1941 год — война с Германией! Письма не приходили больше от Пети — служил он на Украине, которую оккупировали фашисты быстро, а Петя попал в плен… После плена, когда его освободили наши войска, он снова начал писать мне письма — прислал фото после плена (какой). Я отвечала на его письма, но не могла

написать ему о себе, что со мной произошло. «Жди, Лида!», — звучало в ушах. Время ушло — родилась Лена…

Тихомиров Борис Васильевич

Я родился в 1923 году. В 1941-м мне исполнилось 18 лет. Мы жили в посёлке Глухово Ногинского района Московской области. Я учился в 10 классе Глуховской школы №1, в феврале 41-го заболел дифтерией, месяц пролежал в больнице, выписался с осложнением – аритмией.

21-го июня у нас был выпускной вечер, а 22-го началась война. Все ребята нашего класса пошли в военкомат, чтобы записаться добровольцами. Меня из-за болезни сердца признали годным к нестроевой. 11 августа меня вместе с моим одноклассником Володей Бортковым отправили в Москву, а оттуда эшелоном в Саратовсую область на химический полигон. Нас готовили на случай применения немцами химического оружия. Именно тот факт, что в Красной Армии были химические войска, удержало нацистов от применения химического оружия.

Однажды я вернулся из караула и не увидел ребят из своего взвода. Оказалось, пока я стоял на посту, их погрузили в машины и отправили в действующую армию. Друг мой Володя Бортков попал на фронт, в 43 году был тяжело ранен и вернулся домой. А я так и прослужил в химических войсках до конца войны.

В 1943 году нас перевели в ворошиловские лагеря под Калинин. Как раз в это время шли жесточайшие бои под Ржевом.

Мы в боях не участвовали, занимались в лагерях, учились применять химзащиту, много времени уделялось политподготовке. Многие из нас рвались на

фронт, но самовольный уход в фронтовые части расценивался как дезертирство. Питание было плохое. Мы, молодые ребята, голодали. Но так получилось, что Родине мы были нужны именно здесь, и мы стойко несли свою службу.

Многие из нас подавали заявления в коммунистическую партию, в 1944 году стал и я членом партии. Верен коммунистическим идеям и по сей день, с честью пронеся партбилет через всю свою жизнь.

В сентябре 1945 года я был демобилизован, и вернулся к родителям в город Электросталь. Поступил в Московский пушно-меховой институт на факультет охотоведения. Животных любил с детства, всегда у меня были собаки. Практику проходил в Беловежской Пуще, в Туве. Природа Тувы покорила моё сердце, я полюбил эти края, впоследствии работал 10 лет директором мараловодческого совхоза в Саянах, на границе с Тувинской республикой. Во время учёбы в институте в составе орнитологической экспедиции работал на птичьих базарах Новой Земли.

На 5-м курсе познакомился с замечательной девушкой Тоней. Мы полюбили друг друга, но распределены были в разные места. Она уехала в птицеводческий совхоз под Грозным, а меня направили в Архангельск. С Тоней обменивались частыми письмами и в январе 1952 года решили пожениться. Свадьбу мы сыграли в Чечне, нам местные жители устроили роскошный по тем временам пир. И я увез Антонину в Архангельск.

Меня тянула Сибирь, и в 1955 году моя семья, состоящая к тому времени уже из трёх человек, перебралась в Саяны. Специалисты звероводства высоко ценились, мы с женой работали во вновь открывшихся зверосовхозах в Калининградской

области, Татарии, в Кировской области: я – главным зоотехником, она – главным ветврачом.

В 1967 году в мы переехали в Торопецкий район, в котором был организован зверосовхоз «Знаменский». Здесь я в течение 17 лет работал главным зоотехником и в 1986 году вышел на пенсию.

Иногда пишу стихи. Одно из них я посвятил моим друзья-одноклассникам, не вернувшимся с войны, но которые живут в моём сердце

Глуховским ребятам

Мы окончили
школу первую
В сорок первом
тревожном году.
Обстановку
почти что военную
Беззаботно
решить на ходу
Мы хотели.
Мечтали о подвигах,
О победах
над подлым врагом,
Что, пока мы сдавали экзамены,
На границе стучал сапогом.
Мы мечтали
о жизни мирной,
Счастья видели в ней начало.
Гордились Родиной
свободной, сильной:
Она нас выучила
и воспитала.
Знали мы,
что близится война,

Наша Родина –
страна социализма,
И противостоит она одна
Силам капитала
и фашизма.
Мы готовились к боям
И жизни не щадить.
Ненавидели фашизм
и прочих гадов.
Чтобы Родину защитить,
Встать готовы были
Мальчики и девочки
рядом.
И пришлось
нам – восемнадцатилетним –
Сразу с выпускного вечера –
в войну.
В ту,
страшней которой
Не было на свете,
Ту, которой
в цену за победу
Много жизней пришлось положить,
Чтоб свободу отстоять,
Чтобы Родину спасти,
Чтобы вам, молодым,
Родиться, учиться, жить.

Тихомирова Антонина Николаевна

Когда началась война, мне было 12 лет. Наш город Егорьевск находится на востоке Московской области, и враги до нас не дошли. Но все трудности тыловой жизни мне привелось испытать.

Папа был уже в годах. Его призвали, и, поскольку в анкете он указал, что в молодости работал пекарем у мельника, его назначили главным пекарем походной пекарни. Всю войну они были рядом с фронтом, пекли хлеб для солдат. Папа был малограмотным (2 класса церковно-приходской школы), поэтому писем почти не писал. Конец войны встретил в Дрездене, в августе 45-го был демобилизован.

Старший брат Иван был одарённым человеком. Он прекрасно рисовал, увлекался живописью, остались его копии с картин известных художников. Ваня сочинял стихи, записывал их прекрасным мелким почерком в специальную тетрадь. В 1937 году он окончил школу и поступил в 1-ый медицинский институт в Москве. Но с первого курса его призвали и направили в военно-пехотное училище, которое он окончил в мае 41-го. Войну встретил во Львове. В июле того же года взрывной волной был поднят в воздух и брошен на землю. Его засыпало песком. Была раздроблена кисть левой руки, отбиты все внутренности. Руку ему ампутировали. Последствия ранения сказались на здоровье, брат долго тяжело болел и умер в 1961 году.

Другой мой брат Володя, 1925 года рождения, был призван в феврале 1943 года. После ускоренного курса обучения в июле 1943 года он оказался на Курской дуге. Первый и последний его бой – знаменитое танковое сражение под Прохоровкой. Они, пехотинцы, шли в атаку за танками. Брат был изрешечен пулями и осколками. Его подобрала похоронная команда, и если

бы он не застонал, был бы похоронен в братской могиле. Полгода лечился Володя в госпитале. К службе был уже не годен, и его, недолеченного, отправили домой. В пути он терял сознание, еле добрался до родных мест, со станции домой его привезли на санках мальчишки. Мама долго выхаживала его. Володя был мастером на все руки, после школы окончил ремесленное училище и знал слесарное, токарное, фрезерное дело. После войны работал на обувной фабрике, где его очень ценили и уважали.

Через 25 лет после окончания войны он умер от сердечного приступа (не дожив до 50, сказались фронтовые ранения), хоронить его вышла буквально вся обувная фабрика, более двух километров от дома до кладбища гроб несли на руках.

Виноградова Мария Павловна

Родилась я в 1926 на хуторе Едриково, который находился напротив деревни Семенцево через реку Добшу.

Отца звали Булатов Павел Петрович, 1902 года рождения, мать - Агафья Матвеевна, 1908 года рождения. Мать моя была сиротой с полутора лет. Воспитывал её брат и в 16 лет её выдали замуж. Жили они очень-бедно, не было у них ни ухвата, ни чугуночка. Батька напорет дранки и везет на лошади в Великие Луки продавать. Продаст дранку и накупит чугунков, ухватов и других товаров. Оба они были трудяги, много работали и потихоньку зажились. Держали скот: лошадей, коров, овец, свиней, кур. На полях сеяли рожь, овес, лён, сажали картошку, сажали всё огороднее: огурцы, свеклу, капусту, морковку. Работать приходилось всем много - и родителям, и детям: и в

полях, и на заготовке сена, и в огороде, и в хлевах. В семнадцать лет мамка меня и родила, так и пошли дети. Нас ребят в семье было шесть: два брата и четыре сестры.

Зимой отец делал решёты, плёл лапти, заготавливал лес и возил всё это продавать в город Великие Луки. Оттуда привозил материал на одежду, платки. Мама сама шила одежду из домотканого полотна. Отец любил покупать маме красивые платки, она на праздники всегда была нарядная.

Жили мы в единоличестве на хуторе. Потом стал колхоз в Семенцеве, а никто не идет. Председатель А. Лапшин дружил с батькой и говорит: «Пока никто не идет, занимай усадьбу хорошую и вступай в колхоз, а то будешь строиться на сыром месте». Батька сказал мамке: «Давай переезжать, видно всё равно придется ехать». У нас был целый амбар хлеба, вот за этот хлеб нас и перевезли. Все работали на стройке. Мне было восемь лет, и я варила еду для плотников, потому что мама была занята на стройке дома. Вот так мы стали жить в деревне Семенцево, родители стали работать в колхозе.

В Семенцеве была школа (потом её перевезли в деревню Рокотово под магазин). Я училась в школе до четырнадцати лет. Учиться я не хотела и упросила маму, чтобы она отпустила меня работать в колхоз. Батька заставлял учиться: «Учись, тебе пригодится в жизни». А я вижу, девки идут с сена с песнями, и я хочу туда. Так и пошла работать. Работали наравне с мужиками. Потом батька мне купил швейную машинку и я стала шить одежду и домашним, и соседям. Нового материала не было, перешивала со старой одежды. Лежать было некогда. В колхозе поработаешь, дома, и пошить охота. У нас дома всегда был порядок. Полы, потолки вымытые с грествой белые. Лампа висит под

потолком, светло. Вечерами к нам на посиделки собиралась молодежь с гармошкой, с рукоделием. Я шью, кто вяжет, кто песни поет. До часу ночи посидим и все расходятся, скоро на работу. Мамка встает доить коров, она работала на ферме, а батька был заведующим фермой. И мы поднимаемся, пора на работу. Когда были выходные, ходили в лес за ягодами, за грибами. Наберем грибов, отварим их и неделю едим с картошкой. Не голодали.

А работа была тяжелая, работала в лесу в деревне Игнатово. Лес валяли, а потом резали на метровки, кололи, вывозили из лесу. Это было топливо для паровозов. Резала деревья с Лапшиной Маней. В лес обували лапти, зимой они быстро промокали и ноги были мокрые. Правда, придём вечером на квартиру - все онучи, лапти на печку, за ночь высохнут. Жили на квартире, хозяйка была хорошая, еду нам сварит из наших продуктов. Поработаем в лесу, а вечером вяжем носки, чулки.

В 1941 году началась война, ну в колхозах жизнь идёт, как и шла. Только мужиков забрали на фронт. Нам приказали вырыть всем окопы на своей усадьбе, чтобы прятаться от немцев. Вот мы ребята, и вырыли окоп за баней, сделали накат из брёвен, скамеечки. В августе, к Успенью немцы пришли и в нашу деревню. Мы были на сене в Пальцеве, прибежали домой и мамка нас, девок, спрятала на печке. Немцы затопили баню, вымылись и ушли. У них в доме председателя Лапшина был штаб. Простояли они в деревне три дня и ушли. Потом приехал немецкий продовольственный отряд, стали отбирать скот. У нас забрали теленка, но мамка собрала всех ребят и выпросила телёнка назад (ребят кормить).

В лесах, у деревни Малинкино, были партизаны, один из маминых братьев был в партизанах. Родители

помогали партизанам, зимой всю картошку отдали, самим есть нечего. Но ничего, наступает весна и бригадир из колхозной картошки отдавал нам столько, сколько мы отдали партизанам. Мамка пекла хлеб для партизан и ночью возила на лошади в отряд. Партизаны даже у нас брали швейную машинку ремонтировать одежду, шить. Потом командир партизанского отряда дал мамке справку, что она помогала партизанам, велел сохранить, но мы её не сохранили. В Семенцеве были полицаи, проходя мимо нашего дома, иногда стреляли по подполью, думая, что братья мамкины там прячутся. В деревне бывал и немецкий карательный отряд, искали партизан. Один раз собрали всех людей и хотели расстрелять, но отобрали несколько мужчин и увезли, их расстреляли у деревни Озерец, в лесу. В деревню Малинкино, где жил мамин брат с семьей, тоже пришли каратели, искали партизан. Они расстреляли всю семью брата за домом: жену, два мальца и две девки, облили бензином и сожгли. Сожгли и всю постройку. Дядя в это время был на работе за шесть километров от дома и избежал расстрела. К нам пришёл ночью, он был не в себе. Старший сын его жил с семьей в городе Великие Луки, дядя забрал корову и ушёл к невестке (сын был на фронте**).** Там он и погиб.

Батьку в 1942 году забрали на земляные оборонительные работы в Осташков. Там им было плохо, кормили их плохо, ночевывали на улице, всякое было. И разболелись у него ноги, застудил почки, попал он в Торопец, в госпиталь, мы еще тогда не были взяты в ФЗО. Он прислал нам письмо, что он находится в госпитале. Вот мамка утром подоит корову, соберет ему еды и пошла пешком в город, возвращается к вечеру, коровы ещё в поле. Батька рад, что она принесёт ему еды домашней, в госпитале ему

давали всё несолёное. Долго он лечился, встал на ноги, и мамка забрала его домой. Дома он всё болел и умер (мы уже были в ФЗО и не застали его живым). Нас с сестрой Ниной забрали в 1942 году в ФЗО в Свердловск. Привезли в Торопец, на вокзале - крик, плач. Погрузили нас в большие вагоны-телятники и повезли, кормили на станциях. Давали по ведру супа, хлеб, сахар, кипяток. Привезли на военный завод работать за сто километров от Свердловска. Работали слесарями. Жили в общежитии. Из Семенцева были еще девки - Веселова Настя, Алексеева Проса. Мы жили вместе. С нами жила комсомолка из Торопца, приглядывала за нами, чтобы мы не убежали. Проработали мы там 9 месяцев и вшестером убежали. Сильно скучали по дому, недоглядела комсомолка. Был октябрь, через реку переплывали, вода холоднющая. Разделились: мы с Ниной пошли вдвоем. Шли пешком через Ивановскую область, иногда ехали на товарняках. Перед городами прыгали на полном ходу, чтобы нас не поймала милиция и не вернули назад. Питались очень плохо, в деревнях у самих ничего не было, но нам иногда давали картошки, на полях попадалась капуста, ели её. Под конец нам очень повезло, нас взяли солдаты на товарняк, который вёз муку на фронт. Вот тут мы поели лепешек из муки, которые пекли на чугунке. Когда мы слезали с товарняка, пожилой солдат насыпал нам в наши котомки с пуд муки. Вот мы её и ели сырую. Разводили водой в консервных банках и ели такое тесто. Пришли в Бологое, ночевали на вокзале и ели эту муку. А рядом с нами сидела женщина с двумя детьми. Они такими голодными глазами на нас смотрели, и мы с сестрой отдали им всю оставшуюся муку. Ведь мы были почти уже дома. Из Бологого приехали под Торопец, туда возили хлеб сдавать из

Семенцева и на подводах поехали домой. Пришли как раз к Октябрьской, обувь вся износилась, много вшей. У мамки жили беженцы, они нас и увидели. Мама плакала от радости, что мы вернулись живыми. Стали опять работать в колхозе. Вот трудновато стало жить. Налоги, заём, а где денег брать? Продавали сметану, носили на базар в Торопец. А у людей тоже нет денег - не покупали. Налог нечем платить, забрали швейную машинку в счет налога. Соседка Аксюха дала мне свою машинку, чтоб я на ней шила. Научилась шить кубанки мальцам, брала по полтора рубля. Двоюродный брат работал киномехаником, где-то купил немецкое пальто. Расшили его, из подкладки сшили платье, из верха штаны. Научилась шить бурки из разного старья, шила мальцам штаны из клеёнки, сильно шуршали. Жить стало полегче, есть чем налоги заплатить. Всё это шила вечерами, А днём работала в колхозе.

Колхозу дали план: заготовить 90 кубов леса. Отправили нас с Маней Лапшиной. Ходили в Мандусово, за четыре километра. За две недели мы выполнили план и я заболела. Когда работали в лесу, еду брали из дома. Повесим сумки, а до обеда молоко в бутылках и замерзнет, есть нечего. Вот я и ослабла, истощение. Врач сказал, чтобы я лучше питалась и освободила меня от работы. Сестра из Нелидова прислала 10 килограммов сахарного песка. Я пила с молоком и стала поправляться. Стала пошивать. А председатель Лапшин подал на меня в суд, что я не хожу на работу. Спасибо врачу Садовниковой Валентине Алексеевне, она позвонила судье и меня оправдали.

В колхозе выращивали лён, мы, бабы, его обрабатывали. Я трепала по 30 килограммов волокна в день, больше всех. У меня была очень хорошая трепалка, их делал мамин свояк. Зимой приехал из

Торопца агроном Машевский и вызвал на совещание в город. Лучших: из Семенцева два человека, из Василево тоже два. Ехали на грузовике, одета была в осеннее пальто, другого не было. На голове красная косынка. Машевский написал мне текст выступления, я выступала с трибуны. За хорошую работу дали премию 150 рублей, медаль, часы. Сразу дома заплатили все налоги, часы послала брату.

В 1953 году познакомилась с будущим мужем Виноградовым Александром Анисимовичем из деревни Рокотово. Они со Степановым Алексеем ходили за нашу деревню заготавливать лес. У нас ставили пилы. В воскресение приехали в сваты с гармошкой. За неделю собрали приданное, и я вышла замуж. Троицей венчались в Метлинской церкви. Жили в доме родителей мужа вместе с ними. Свекровь была очень хорошая, она и вырастила нам троих сыновей, а мы работали. В 1969 год перешла в школу работать техничкой, там и работала до пенсии. Дети все хорошие, у всех семьи, живут в Озерце.

Жемчужина (Тарасова) Александра Степановна

Родилась я в 1928 году, на хуторе Зенково. В семье было трое детей, отец, Степан Тарасович, 1894 года рождения, мать, Анна Константиновна, 1904 года. С нами жил ещё дед Тарас. Отец заболел и в 1937 году умер. Семья осталась без мужчины. Мне было 10 лет, когда мы ещё жили на хуторе. Мать уходила на работу. В саду была посажена рожь полосами между яблонь. Я сжала всю рожь одна. С хутора ходила в школу в Семенцево, в Ваши. Кончила 3 класса.

Во время коллективизации всех селили в колхоз, в деревню Семенцево. Дом с хутора пришлось

перевозить самим. Мне было 12 лет, брату 3 года, сестре 10 лет. Волочили камни для фундамента дома. Камни грузили сами на телегу по доске. Забрали у нас лошадь. Она была очень хорошая, дед жалел её и даже поцеловал прощаясь. Лошадь забрали в город Торопец и ездили на ней как на автобусе, а кормили плохо, лошадь там пала.

Я уже работала в колхозе. Мотыжили лен, тягали, пололи картошку. Мама заболела, пока строили дом, а я один день на пошла на работу, хотели прибраться по хозяйству (жили мы в бане, баня топилась по-черному, хлеб пекли в каменке). Пришла на работу, как бригадир начал ругать, что филоню, а мне всего 12 лет было. Работала много.

Когда пришли немцы, мы молотили рожь на гумне. Когда вся бригада шла на обед – навстречу немцы на мотоциклах, и они решили, что мы их встречаем. Потребовали себе молока, им вынесли. Они были очень рады, что мы их встречаем.

В июле 1942 года меня взяли в ФЗО в Свердловск. Когда забирали, были мы в чернике, думали, что отобьёмся от ФЗО, но мама нас позвала. Собрали хотульки и повезли нас в Свердловск, там было уже много таких рабочих. И нас повезли назад (450 км). Везли в телятниках. Жили мы в общежитии. Работали слесарями. Делали метромеры, маленькие тисочки. Кормили нас как попало. 1 октября сбежали из ФЗО, к Октябрьской пришли домой. Ехали на подножках вагонов. Дым от паровоза весь в лицо. Ели одну капусту. Документов у нас не было. 6 раз нас задерживала милиция, кормили крупяной похлебкой, отправляли работать в колхозы, то репу, таскать, то морковь. Ели и эти овощи. Брали с собой в свои шелгуны, а хлеба мы не видели. От Осташкова пешком шли, видели: у немцев все выжжено, деревень нет.

Ночевали на улице, в лесу под елкой. У неё обрублены были суки, мы их собрали, легли, накрылись большим платком. Лежим, вдруг трактор заработал, мы испугались, думали, что за этой елкой. Нет. Опять легли. Утром стали вставать, а сестре не встать на ноги, замерзли (был уже мороз). Я её под руку, повела, насилу ноги у нее отошли.

Вернулись домой, пошла в колхоз. Работала на быках, коровах, тёлках. Однажды работала на телке, на обеде пустила ее попастись, а она наелась веху ядовитого, он сладкий и сдохла. Я иду бороновать, а мне говорят, что тёлка сдохла. Потом дали быка поспокойнее.

В колхозе жали рожь по 10-15 соток за день и приходили работать домой. Работы было много, даже дома не всегда могли полы помыть к празднику. Помню, копали землю лопатами в Пальцеве и бригадир Захаров Иван разрешил с обеда помыть пол. Как мы были этому рады!

Навоз на поля с фермы возили на быках, а весной разносили его на носилках по пашне, было очень тяжело.

На трудодни давали по 200 граммов зерна, со второго рукава. Были налоги, заем. Всё сдавали государству: и яйца, и молоко. С поросенка шкуру надо было сдать. Носили на базар продавать огурцы, сметану. Но мы не унывали, были молодые, все трудности нам были нипочем. Пели, веселились, ходили на гулянку.

С мужем были знакомы с детства, он тоже жил в Семенцеве, до армии тоже работал в колхозе.

Родилось у нас четверо детей. Из колхоза уволили. Земли дали 15 соток. Муж работал в лесничестве.

Когда младшие дети, двойняшки пошли в 7-й класс, я пошла работать в Первомайскую больницу. До войны

больница была в барском доме. Во время войны немцы всё сожгли. Мы потом сами восстанавливали больницу, лес резали под дубами: женщины, дети. В 1951 г. больница стала работать снова. Временно она размещалась в деревне Семенцово в Яшкином доме. В больнице был большой коллектив. Была организована концертная бригада и мы ездили выступать по деревням. Руководила артистами Козловская Мария Васильевна. В больнице я работала до пенсии. С мужем вырастили 4-х детей. Сейчас они живут в Петербурге и Твери

Кириллова (Фёдорова) Нина Васильевна

Родилась я в деревне Одрины Великолукского района в 1928 году.

Отец, Фёдоров Василий Яковлевич 1904 года рождения, единоличник. Мать – Федорова Марфа Гавриловна. В семье четверо детей. Кроме меня два брата и сестра. Держали скот: лошади, 2 коровы, овцы. Было много земли (окало 90 га). Все трудились: сеяли рожь, овес, картошку. Продукты возили продавать в Великие Луки. В 30-е годы семью раскулачили – забрали дом, сельскохозяйственную технику (веялки, сеялки), скот. Дом перевезли в Ваши и сделали из него клуб.

А мы жили во времянке. Отец купил муки, её отобрали, он стал хлопотать о её возвращении, но на него завели уголовное дело как на врага народа (якобы подбивал колхозников выходить из колхоза). Из дома забрали всю одежду, пряжу, еду. Земли оставили только под картошку. Делали мы решеты. Спали по 4 часа в сутки. В 1936 году отца посадили на 10 лет. Мы все трудились и опять всё нажили.

Началась война. В деревне было 2 жилых дома. Стояли в деревне партизаны торопецкие и великолукские. Был беженец Николай из Великих Лук с тремя детьми и женой Зоей. Он научил маму, чтобы, когда немцы придут спрашивать про партизан, она не говорили где они, иначе их семью убьют.

В войну мы, дети, жили с бабушкой, так как мать ушла к деду в Дубровку (около Фатеева) и её отправили с сыном Петром гнать скот в Горьковскую область. Они жили там целый год. У партизан тоже был скот, коровы (штук 8). Дети ухаживали за коровами, пасли. Чтобы пасти скот, нам дали ботинки. В Покров (14 октября) пришёл карательный отряд немцев из Каменки. В доме у нас были рожь, оружие партизан. Партизаны предупредили жителей о карательном отряде и заставили угонять скот. Только угнали с километр, как в деревне застрочили автоматы. Дом наш немцы сожгли и все постройки тоже. Семья с беженцами ушли в Артюшино. Беженец с семьей уехал в Луки, там его убили немцы.

Бабушке пришлось собираться на погорелое.

Жили мы у нашего знакомого Веселова Никиты. Потом купили в деревне Фатеево изобку. Отец вернулся из тюрьмы в 1942 году по болезни. Потом мы уже построили дом.

Я работала в колхозе, подчищали кусты, чтобы не зарастали поля, жали рожь, овес, косили траву, молотили лен. По ночам с подругой Валей ригу зерна обрабатывали, а днём на сено. По праздникам ходили на ярмарки в деревню Лосево. Училась в школе в Митровском 3 класса. Домой не ходила, жила на квартире.

С 7 лет ходили в мох собирали бруснику, чернику, клюкву, малину. Ягоды собирали и весной, и осенью на продажу. Продавали заготовителям.

В 1954 году я работала в Озерецком лесничестве. Елочки сажали, кусты вырубали. Проработала год. Шла один раз на работу и встретила мачеху будущего мужа Николая, она стала расспрашивать обо мне, и спросила, не выйду ли я за него замуж. Он жил в Новинке один, я его не видела. Потом они приехали в сваты. Я отказалась, боялась, что он плохой. В Метлино жила баба Марфа, и я расспросила о нём, она его расхвалила.

Потом приехали сваты второй раз, и я согласилась выйти замуж. В 1956 году мы венчались в церкви в Метлино. Венчал нас отец Филипп. Платье на мне было шелковое, жёлтое, прислала сестра, она жила в Петрозаводске. Фата была из марли, цветы из бумаги. Ушла жить в Новинку, построили мы дом. Работали в колхозе. Родилось трое детей. В Новинке прожили 5 лет. Началось освоение целины. Мы продали дом, скот и поехали на целину (Орлова Е.Е. была там и расхваливала). На целине купили мазанку, завели корову, поросят. Уехали с родины из-за безденежья.

На целине купили две машины зерна. Жили хорошо. На целине родился сын Сергей. Я работала на зерноскладе, муж сидел дома с детьми, вечером учился на тракториста, работал водовозом, потом трактористом. Прожили мы там 3 года, а потом я заболела, долго лечилась в Петрозаводске. Потом мы уехали в деревню Лахны, где у нас родился ещё один сын Владимир. Первое время жили мы в избе М. Красноперовой. Я работала дояркой в Лахнах, а муж трактористом. Потом переехали в Мандусово, работала до пенсии в Озерце на ферме. Муж умер в 1993 году. Дети выросли, разъехались. Живут в городе Торопце. Со мной живёт сын Коля.

Степанова Евгения Фёдоровна

Я родилась в 1938 году в деревне Старинка. Мать моя, Степанова Ольга Петровна, была 1913 года рождения, а отец, Степанов Федор Степанович, родился в 1916 году. В семье было 3-е детей. Мой брат Гена в возрасте 2,8 года утонул в реке.

Бабушка с дедом вступили в колхоз и переехали с хутора в Старинку.

Мы до войны держали коров, коз, были в хозяйстве овцы, куры. Жили с бабушкой (мамина мать) в деревне Старинке, прожили там всю войну.

Отец участвовал в Финской войне добровольцем и в первые дни войны был призван в ряды Красной Армии.

Дедушка в начале войны гнал в тыл колхозных коров и не вернулся

Во время оккупации в нашем доме, в светлой половине жили немцы. Мать топила для них печь. Мы жили в другой половине и ходили через окно. Немцы варили кур в чугунке, кур съедали, а бульон отдавали нам. Мама носила его в Ватолиху невестке (у нее было 5 детей). В нашей семье воспитывался племянник из города Ленинграда, которого взяли от родителей в 10 месяцев. Звали его Витя. Когда он заболел, немцы дали рису и мы поили его этим отваром. Однажды немцы захотели залезть в домики с пчелами. Но офицер им не разрешил, но картошку они копали.

На небе были видны прожектора во время боев в городе Великие Луки и в Торопце. Землянки рыли, прятались во время бомбёжек. Подходило водой, но мы всё равно сидели. Мать возила продукты из Скворцова на 3 магазина, а в Скворцово возила раненых партизан. Однажды она везла раненых солдат. Встретились немцы, им нужен был конь Васька, хотели остановить. Конь боялся кнута, мама ударила его, и конь понес. А

мама упала на солдат, и конь понес в деревню, в конюшню.

Когда с Ленинграда сняли блокаду, Витю забрали. Он, конечно, свою маму не узнавал и не могли его долго взять, он спрятался в лесу.

В 1946 году вернулся с войны отец Он прошёл всю войну, был ранен. Имел много наград. Семья жила уже в городе Торопце. Жизнь была тяжёлой. Хлеб получали по карточкам. Однажды я стояла в очереди, карточки были в варежке. Держу за резинку. Протягиваю продавцу руку, а в ней только резинка, варежку с карточками отрезали. Домой без хлеба идти страшно. Села за ларёк на ящик. Замело снегом, замерзла. Родители вернулись с работы вечером, стали искать, случайно наткнулись на замёрзшего ребенка. Спасли врачи.

Мать работала на швейной фабрике, их там кормили. Я каждый день ходила к фабрике, ждала обеда – мать выходила и вела меня в столовую. Обед делили пополам. Вот так выживали в трудное послевоенное время.

Отец работал шофером на спиртзаводе. С 1947 года его направили в Великие Луки восстанавливать автобазу. Семья переехала туда. Я ходила в школу, училась до 8 класса. В 16 лет начала работать. 9-10 классы заканчивала в вечерней школе и работала уборщицей в магазине. Затем перевели работать продавцом. С работы направили на учебу в торгово-кулинарное училище. Одновременно закончила и школу, и училище. Потом работала заведующей магазином. В 1956 году направили работать в Кандалакшу заведующей отделом в продовольственном магазине. На Волго-Балте в 1964-1965 годах работала завскладом взрывчатых материалов (окончила Елецкое училище) мастером

взрывных работ). Строили шлюзы, жили в городе Вытягры Вологодской области. В 1966 году переехала в Ригу. Незнание языка не позволило работать продавцом, поэтому работала я на обувной фабрике. В 1973 году из-за жилья перешла в мостоотряд №17 в Главмостострой. Отработала 20 лет (комендант, администратор хоз. отдела в АХО). Когда развалился Союз, переехала в деревню Семенцево, где и живу до сих пор.

Виноградов Александр Анисимович

Родился я в деревне Рокотово в 1930-м году. Ещё у меня были сестра 1927 года рождения и брат с 1932 года. Мать звали Анной Афанасьевной, она родилась в 1891 году. Отец, Анисим Осипович, 1891 года рождения. Участвовал в Первой мировой войне. Был в плену в Германии. Работал на хозяина в сельском хозяйстве**.** Принимал участие и в Гражданской войне, два с половиной года.

Я с 6 лет пас коров в поле. Скот выгоняли рано. и я в поле засыпал. Двор был у большака. Потом пас скот младший брат. Я ходил в школу, помогал отцу в кузнице. Когда я кончил 4 класса, началась война. Отца взяли на трудовой фронт в Осташков. Но вскоре подошли немцы и взяли его в плен. Привезли отца в Торопец, допрашивали (он знал разговорную речь немцев). Потом отпустили. В это время в Рокотове, в Озерце был карательный отряд. Отец пришел из Озерца, а полем шли в лес немцы. Отцу топить баню нужно, своей не было, была у Карзовых. Взяли дрова и к бане, а тут из леса немцы в баню и меня от мамы за ворот уволокли. Искали они партизан, хотели расстрелять или дать конфет, если скажу где партизаны. Немец повёл на гору, спросил где живем,

где староста. Потом отпустил и пошли они по снегу в деревню. Разделились на два отряда. Стопив баню, мы вымылись, а немец зашёл опять, искали партизан.

В деревне Гущино немцы убили мужиков рокотовских, которые возили сено. Один немец пришел в двухэтажный барский дом с обыском. Потом барский дом зажгли и в 5 местах зажгли деревню, гумно, дома.

После освобождения города от немцев, работал в колхозе, больше не учился. Взяли меня в армию. Служил на станции Балабаново Московской области. В армии выучился на шофера. Отслужил 3 года, вернулся домой, в деревню.

Стал работать на лесозаготовках: возил лес в Скворцово. Чтобы не отобрали землю, пришлось идти работать в колхоз. Освоил работу тракториста, пахал. В 1953 году женился на Булатовой Марии. Мамка присоветовала, чтобы я на ней женился, она работящая была. У нас 3 сына. Все живут в Озерце.

Иванова (Семенова) Нина Николаевна

Родилась я 8 августа 1933 в деревне. Заборье-Малашково. Мать, Александра Ильинична, 1909 года рождения, а, отец, Николай Семенович, с 1904 года. В семье было 7 детей. В хозяйстве у нас были корова, овцы, поросенок, куры. Отец был на Финской войне. В Великую Отечественную его призвали на фронт в первые дни войны.

Немцы в деревню пришли в августе, приехали на мотоциклах. Забирали у жителей скот. У нас взяли телёнка. Мама к немцам ходила просить телёнка назад, семью нечем кормить. Теленка отдали, но взамен забрали яйца. От бомбёжки мы прятались в овраге.

Мужики были на фронте и бабы пахали на себе свои огороды по четыре человека, пятая за плугом. Носили

домотканую холщёвую одежду. Ели кислицу, хвощ, липовые листья, сушили и пекли лепешки.

Вырастили быков и на них работали. Отец с войны не вернулся, был в плену, погиб. Не вернулся и брат Александр (1926 года рождения). Погиб он у Вышнего Волочка. Похоронен в братской могиле. Из деревенских с войны вернулся только Семка.

После войны в Гритькове открыли школу и мы стали там учиться. Я закончила 3 класса. С 12 лет уже косила в колхозе. Селили всех в Горку. Нам тоже там дали землю, заросшую ольхой. Мы её корчевали, а потом сажали огород. Женщины ночью собирались по 4 человека и пахали огороды, чтобы посадить картофель, овощи, а утром топили печь, ухаживали за скотом и шли работать в колхоз. После войны колхоз купил лошадей. Жили весело, пели песни.

В 50-м году вышла замуж в Поташово. Там тоже работала в колхозе. На следующее лето была отправлена в Торопец заготавливать торф, сушили брикеты. Питались сами, продукты брали из дому. На поезде уехали домой до Скворцова. Председателем в то время был Федор Виноградов. С Верой Андреевой 5 лет ухаживала за свиньями. Молоко для поросёнка носили на коромысле из Притькова. Когда разливалась река молоко для свиней доставляли на челне.

Заем, налоги все платили. На курицу надо было сдать 300 яиц. В Торопец ездила за удобрениями. На себе носили из Скворцова по 30 килограммов льносемени. В колхозе работала до пенсии, потом переехали в Озерец.

С мужем вырастили двоих детей.

Оглавление

Тараканов Николай Александрович……....3

Прокофьев Василий Васильевич……..7

Иванов Александр Иванович……..11

Буров Николай Макарович……...16

Петренко Александра Ильинична…….19

Никитина Лидия Ивановна……...26

Тихомиров Борис Васильевич……...37

Тихомирова Антонина Николаевна……..41

Виноградова Мария Павловна……42

Жемчужина (Тарасова) Александра Степановна….48

Кириллова (Фёдорова) Нина Васильевна……..51

Степанова Евгения Фёдоровна……..54

Виноградов Александр Анисимович……56

Иванова (Семенова) Нина Николаевна……57

Судьбы, опалённые войной

Народная летопись

Ответственный за выпуск - А.В. Латышева

Составитель - Л.И. Медведева

Компьютерный набор - Л.И. Медведева,

А.А. Лапченко, А.А. Петров, Е.Б. Тихомирова

Художественное оформление и верстка -

А.А. Лапченко

В издании использованы фотографии
из личных архивов торопчан

Тираж: 1 экз.

Сектор АБИТ
МУТР «Торопецкая центральная библиотека»
172840 Тверская обл.
г. Торопец, ул. Советская, д.35а
kniga_tor@mail.ru
www.toropec.tverlib.ru